

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

И. М. Савельева, А. В. Полетаев

ФУНКЦИИ ИСТОРИИ

Препринт WP6/2003/01
Серия WP6
Гуманитарные исследования

Москва
ГУ-ВШЭ
2003

УДК 930.1
ББК 63
С 12

Редактор серии WP6
“Гуманитарные исследования”

И.М. Савельева

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта “Репрезентация прошлого как социointегративный фактор” (грант 03-01-00170а)

Савельева И.М., Полетаев А.В.

С 12

Функции истории: Препринт WP6/2003/01. — М.: ГУ ВШЭ, 2003. — 40 с.

Конструирование социальной реальности включает в качестве необходимой составляющей установление отношений с определенными событиями прошлого. Важность прошлого для настоящего хорошо понимали уже древние общества, приписывая истории целый ряд задач, связанных с культурно-политическими функциями, функциями накопления и обобщения социального опыта. В связи с тем что в XX в. радикально изменяется характер исторического знания и история окончательно отделяется от социальных наук, возникает вопрос: насколько вообще применимы предшествующие многовековые рефлексии по поводу функций истории к современной ситуации? В данной статье авторы предлагают переформулировать традиционные представления о “функциях истории”, сводя их к пяти ключевым понятиям: *поддержание образов, легитимация, идентификация, открытие Другого и историческая память*. Уже сами эти понятия выявляют значимость исторического знания как знания о прошлом всех трех подсистем социальной реальности (культуры, социальной системы и системы личности). Предложенный подход дает возможность концептуализировать старую тему роли истории на уровне современной социальной теории и осмыслить, что произошло с функциями исторического знания в XX в.

УДК 930.1
ББК 63

© И.М. Савельева, 2003
© А.В. Полетаев, 2003
© Оформление. ГУ ВШЭ, 2003

Содержание исторического знания и соответственно создаваемой в рамках этого знания картины прошлого определяется признанными в данном обществе функциями истории, которые задают цели конструирования прошлого, и правилами такого конструирования, являющимися локальными критериями истинности той или иной панорамы исторической реальности. Эти два аспекта исторического знания тесно связаны между собой — соответствие принятым установкам (целям, функциям) является одним из критериев “правильности”. В свою очередь создание “истинной” картины прошлого всегда считалось одной из важнейших функций истории.

1. *Magistra vitae*

Разделение труда в современной общественной науке сложилось так, что на плечи историков лег комплексный анализ обществ, отличных от современного. Как отметил французский историк М. де Серто, историографический дискурс конструируется как *познание Другого*.

«... Прошлое в первую очередь связано с *репрезентацией различия*. Производимая историком операция состоит в определении того, что именно в соответствии с современными установлениями отличается от своего “другого” (прошлого), в предположении о наличии дистанции, отделяющей нынешнюю ситуацию <от прошлого>, и тем самым в маркировании посредством дискурса значимых изменений, обуславливающих эту дистанцированность. Эта операция имеет двойной смысл. С одной стороны, она историзирует настоящее время. Точнее говоря, она позиционирует настоящее время переживаемого момента... Но, с другой стороны, образ прошлого сохраняет свою первичную функцию репрезентации *утраченного*... Таким образом, история всегда амбивалентна: установление места прошлого в равной мере является формой *выделения места для будущего*»¹.

¹ Certeau M., de. The Writing of History. N. Y.: Columbia University Press, 1988. P. 85.

Тем самым определяется граница между настоящим и прошлым: к настоящему, т.е. предмету специализированных общественных наук, относится та часть прошлого, когда общество было похоже на сегодняшнее, и поэтому к нему применимы схемы, модели, теории и концепции, созданные для анализа современности². Ясно, что эта граница условна и размыта, но тем не менее она существует. Понятно, что на исследование прошлых социальных реальностей общество выделяет относительно ограниченные (по сравнению с дисциплинами, изучающими существующую реальность) людские и финансовые ресурсы. Однако зададимся вопросом, зачем современное общество вообще выделяет ресурсы для изучения прошлого, но при этом финансирует их существенно скромнее, чем изучение настоящего, и заведомо недостаточно для разработки проблематики множества разнообразных “прошлых”?

Один из подходов к решению этого вопроса связан с уяснением роли исторической науки знания в общей системе знания, т.е. с анализом ее функций. В этом случае вопрос формулируется иным образом: для чего люди изучают историю, т.е. вырабатывают знание о прошлом, в том числе научное?

Конструирование социальной реальности включает в качестве необходимой составляющей установление отношений с определенными событиями прошлого. Важность прошлого для настоящего хорошо понимали уже древние общества, приписывая истории целый ряд задач, связанных с культурно-политическими функциями, задачами накопления и обобщения социального опыта. Утилитарное отношение к прошлому унаследовала и средневековая историография. Иоанн Солсберийский в XII в. в “*Historia Pontificalis*” дал почти исчерпывающий перечень функций истории.

“Зрелище прошлого помогает нам, во-первых, понять планы и намерения Бога; оно наполняет сердца людей спасительным страхом перед Господом, показывая примеры кар и наград за действия людей и побуждая их следовать путями справедливости...”

² Подробнее см.: Савельева И.М., Полетаев А.В. История как знание о прошлом // Логос. 2000. № 2 (23). С. 39—74; Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время: в поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997.

Во-вторых, как выражаются языческие писатели, чужая жизнь является для нас наставницей, и тот, кто не знает прошлого, будет чувствовать себя среди современных ему событий подобно слепому...

В-третьих, записи хроник служат для утверждения новых и отмены старых постановлений, для укрепления или ликвидации привилегий”³.

Историю издавна использовали для легитимации власти, доказательства благородства происхождения, нахождения общего языка между разными социальными или национальными общностями или утверждения национального превосходства. С помощью истории обосновывали необходимость реставрации прошлого, оправдывали настоящее и прогнозировали будущее. Кроме того, особенно на любительской стадии, до второй половины XIX в. история служила развлечением для тех, кто ею занимался, и это тоже очень важная функция.

Таким образом функции, выполняемые историей, перечень которых мы обнаруживаем во многих трудах по историографии, обеспечивали удовлетворение многочисленных социальных потребностей. На протяжении столетий в рефлексиях по поводу истории вопрос о функциях был одним из центральных. При этом, если на протяжении веков способы исторического познания эволюционировали достаточно заметно, то в трактовке функций истории наблюдалась удивительная стабильность, длящаяся почти до конца XX в. В последние десятилетия в западной исторической науке этот вопрос практически не обсуждается. Отчасти, по нашему мнению, интерес к данной проблеме угас потому, что функции, издавна приписываемые истории, в какой-то мере обнаружили свою неэффективность, и это всем очевидно. Но есть и другая причина.

Большинство рассуждений о функциях исторического знания относится к тем смыслам термина “история” и соответственно к тем временам, когда она понималась как род литературы или как обществоведение в целом. В связи с тем, что в XX в. радикально изменяется характер исторического знания и история отделяется от социальных наук, логично предположить, что должны были произойти какие-то новации и подвижки в “назначении исто-

³ *Johannis Salisburie. Historia Pontificalis / Ed. by M. Chibnall. L., 1956. P. 3.*

рии”. В этой связи возникает вопрос: насколько вообще применимы предшествующие многовековые рефлексии по поводу функций истории к современной ситуации? Акцент на новых аспектах этой проблематики позволит, как нам кажется, наметить подходы, более адекватные современному состоянию исторической науки, и переформулировать традиционную тему.

Общественная роль истории в эпоху Нового времени описывается по следующей модели: становление исторического сознания; стремительное развитие исторического знания и высокий общественный престиж профессии — процесс, достигающий апогея к середине XIX в.; профессионализация истории и становление исторической науки, сопровождающееся относительным падением социальной роли историков (конец XIX — начало XX в.); и нарастающий скептицизм в отношении научности истории и ее способности “давать уроки” при одновременном росте массового интереса к прошлому, не совсем точно проблематизированному как “историческая память”.

Становление исторического сознания в Новое время привело к тому, что в XVIII в. история превратилась в важный социокультурный фактор. С этим связан и высокий общественный авторитет истории, и интерес к историческим знаниям, ставший чуть ли не обязательной характеристикой любого образованного человека. В 1772 г. один немецкий ученый подсчитал, что из почти 5000 сочинений, появившихся в Германии с 1769 по 1771 г., примерно пятая часть была по истории. Во Франции они составляли около четверти, другие страны еще сильно отставали (в Англии лишь девятая часть всех сочинений относилась к историческим), но демонстрировали ту же тенденцию⁴. Даже в России, где собственные исторические издания появились позднее, уже в конце XVIII — начале XIX в. «только ленивый не увлекался “славянскими древностями” и “Начальной летописью”»⁵.

Назначение истории было не просто образовательным. До конца XIX в. история выполняла, прежде всего, прикладную функцию — поставляла знания, которые можно использовать в

⁴ Butterfield H. Man on His Past. The Study of the History of Historical Scholarship. Cambridge: Cambridge University Press, 1955. P. 37.

⁵ Кошелев В. А. Пушкин: история и предание. СПб.: Академический проект, 2000. С. 35.

настоящем. Согласно нашей концепции это свидетельствовало о возрастающей роли общественно-научного знания, которое во многом аккумулировалось в сочинениях по истории. Напомним, что XIX в. еще не стал “веком масс”, но зато он был “веком публики”, временем, когда общественное мнение могло оказывать важное воздействие на политический процесс (равно как и на многие другие области). Возможность апеллировать к публике, а не к экспертам повлекла за собой литературизацию речи. Историки с конца XVIII в. использовали язык, ориентированный на литературные жанры, имеющие успех (вплоть до мелодрамы). Поэтому особенным влиянием пользовались те из них, кто отличался литературным талантом (это справедливо не только по отношению к историкам, но и к представителям других профессий, ориентированных на общественное мнение, — юристам, политикам и, конечно, художественным критикам).

В XVIII—XIX вв. история была поставлена на службу государству и многие известные историки занимали высшие государственные должности. В Англии ведущие историки (А. Алисон, Г. Галлам, Т.Б. Маколей) активно влияли на политическую жизнь, конструируя прошлую реальность, основанную на концепциях вигов и тори. В Германии малогерманская школа, крупнейшие представители которой были видными политиками (Г. фон Зибель, Г. фон Трейчке, да и Й. Дройзен), создавала концепцию национальной истории. Особенно показателен пример Франции середины XIX в., где два популярнейших историка, А. Тьер и Ф. Гизо, возглавляли соперничающие политические партии, а затем их “сбросили” другие историки — Л. Блан, А. де Токвиль и Наполеон III⁶. Характеризуя исключительное положение представителей своей профессии в этот период, французский историк А. Марру писал:

«Историк стал королем, вся культура подчинялась его декретам: история решала, как следует читать “*Илиаду*”; история решала, что нация определила в качестве своих исторических границ, своих наследственных врагов и традиционной миссии... Под объединенным влиянием идеализма и позитивизма идея прогресса была навязана в качестве фундаментальной

⁶ Зелдин Т. Социальная история как история всеобъемлющая [1976] // THESIS. 1993. Вып. 1. С. 157.

категории (христианство было признано “устаревшим”, христиане были низведены до небольшого меньшинства... Современная “мысль” стала суверенной)... Владеющий секретами прошлого историк, как генеалог, обеспечивал человечество доказательствами знатности его происхождения и прослеживал триумфальный ход его эволюции. Только история могла дать основания для доказательства осуществимости утопии, показывая, что она укоренена в прошлом»⁷.

Заключений, подобных приведенному выше, достаточно много, и они свидетельствуют, что в этот период историки вовсе не были специалистами лишь по прошлому, а исполняли роль обществоведов в целом, прежде всего политологов. Видимо, именно обществоведческой функцией тогдашней истории объясняются ее отчетливая партийность (идеологизированность) или национализм, признанные неотъемлемой частью истории Нового времени. А, как точно заметил Ж. Дюби, “идеология — это не отражение действительности, это проект воздействия на нее”⁸.

Прошлая реальность, создаваемая по лекалам партийных или националистических проектов, естественно, выглядела по-разному, но это мало кого смущало, ибо соответствовало общепринятым критериям исторического знания. Ни одно идейное направление или движение XIX в. не обходилось без “своей истории”.

В XIX в. продолжало расти и общеобразовательное влияние истории. Знание прошлого, чтение исторических сочинений стало ключевым показателем образованности уже весьма широких слоев населения. XIX в. сделал историю поистине “всенародным” достоянием. Возникали разнообразные исторические общества, журналы, по-прежнему популярным оставалось коллекционирование древностей. При этом вплоть до начала прошлого столетия история оставалась в большей степени элементом культуры, чем науки. Достаточно сказать, что непрофессиональная история вообще доминировала до упрочения “немецкой исторической школы”.

Однако на исходе XIX в., когда история находилась в зените общественного признания, началось падение авторитета истории, и предопределили его, в первую очередь, процессы станов-

⁷ Marrou H.-I. De la connaissance historique. 6th ed. Paris: Editions du Seuil, 1954. P. 11.

⁸ Дюби Ж. Трехчастная модель или представления средневекового общества о самом себе: Пер. с фр. М.: Языки русской культуры, 2000. P. 17.

ления научного исторического знания. Дело в том, что между 1870 и 1930 гг. произошла профессионализация истории. Историки стали писать для историков.

“Как это ни парадоксально, именно тогда, когда у истории появилось столько читателей, сколько никогда раньше не было, историки стали скромнее, чем когда бы то ни было. Популяризаторов оттеснили профессионалы”⁹.

Во второй половине XIX в. один за другим появляются профессиональные исторические журналы, предназначенные не для широкой публики, а для специалистов. Первый профессиональный исторический журнал “Historische Zeitschrift” начал выходить в Германии в 1859 г. Затем — “Revue historique” (1876) во Франции, “Rivista storica italiana” (1884) в Италии, “English Historical Review” (1886) в Англии, “American Historical Review” (1895) в США. Профессионализация в целом проходила по немецкой модели. Не случайно первый выпуск “English Historical Review” открывался статьей лорда Актона “Немецкие исторические школы”, а Л. фон Ранке был избран первым почетным членом Американской исторической ассоциации¹⁰. Понятно, что в целом профессионалы ориентировались, в первую очередь, на следование критериям научности и признание коллег, а не на успех у читателей или достижение прагматических политических целей. Они больше не обращались к образованной публике и пользовались уже другим языком. Литературное мастерство перестало рассматриваться как необходимый элемент профессии, выбор сюжетов и проблем также мало зависел от читательского интереса. В большинстве своем представители исторической науки отказались от претензий на роль философов и наставников в повседневной жизни и были достаточно безразличны к массовой аудитории.

В силу указанных обстоятельств между трепетным отношением к моральным урокам истории, характерным для прошлых поколений, и взглядами современников на полезность истори-

⁹ Зелдин Т. Указ. соч. С. 157.

¹⁰ Iggers G. The German Conception of History. Middletown, Conn.: Wesleyan University Press, 1984. P. 28.

ческих познаний образовался большой разрыв. Историки уже не представляли особого интереса для власти, а власть — для них, поэтому историки не участвовали столь активно в политической жизни. Правильнее будет сказать, что они, если хотели, “подыгрывали” власти, хотя эти “игры” время от времени могли быть весьма серьезными, примером чему служит, например, пангерманская историография.

На самом деле отмеченная многими историками профессионализация была не первичным, а производным фактором, повлиявшим как на цеховое сознание историков, так и на общественные представления о задачах дисциплины. Главное же в том, что историческое знание стало специализированным в качестве научного знания о *прошлой* социальной реальности, дифференцировавшись от обществознания в целом. С появлением социальных наук прагматическая часть знания о настоящем и даже о прошлом, необходимая для понимания настоящего, отошла к общественным наукам. В одних областях обществоведения знание о прошлом играет более существенную, в других — менее существенную роль. Но в любом случае, главное дело социальных наук — изучение настоящего, и весь “прикладной”, практический эффект связан с решением этой задачи.

Соответственно, как только история перестала быть обществоведением, она неминуемо должна была потерять часть своего прагматического влияния, связанного с задачами, которые она решала на протяжении многих веков. За приобретение дисциплинарного суверенитета пришлось расплачиваться падением общественного престижа. В отношении исторического знания произошло в своеобразном смысле возвращение к точке зрения древних греков, для которых, как отмечал английский историк Дж. Покок, история во многом была упражнением в политической иронии, формой размышления о том, как действия человека производят результаты, противоположные намерениям¹¹.

Итак, мы акцентируем внимание на том, что исторический опыт XX столетия свидетельствовал не о невозможности учитывать уроки истории, как полагали и до сих пор думают многие

¹¹ Pocock J.G.A. The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton (N.J.); L.: Princeton University Press, 1975. P. 6.

историки, а о преимущественной востребованности экспертных оценок других социальных наук, анализирующих современность.

В ареале господства марксистской идеологии социальные науки на уровне теории не были столь дифференцированы — теория была для всех одна — и история на самом деле в гораздо большей степени сохраняла свое традиционное, обществоведческое, назначение. Последнее обстоятельство объясняет многочисленные попытки исторически осмыслить “путь” России, подъем националистических историографий и многое другое, разительно отличающее жизнь нашего исторического сообщества от интересов западного исторического мэйнстрима в последнее десятилетие. О способности преодолеть разрыв с западной исторической наукой сегодня, как нам кажется, можно говорить только применительно к небольшой части отечественных историков.

Уступив значительную долю своего влияния социальным наукам в отношении прагматических задач, связанных с необходимостью осмысления настоящего, история тем не менее не выглядит лишенной общественного признания. Часть ее функций, напротив, активизировалась, отвечая иным общественным запросам, а именно: потребностям в знании об иной (альтернативной) реальности, которую история тоже традиционно удовлетворяла наряду с религией (начиная с мифов) и искусством.

Ограничение презентистских задач исторического знания, произошедшее за последний век, конечно, не означает, что его традиционные функции полностью экспроприированы другими социальными науками. Задача конструирования прошлого с целью объяснить или усовершенствовать настоящее в широком смысле по-прежнему решается в том числе и с помощью исторического знания. В том числе, но совсем не в той пропорции, что век назад.

Длинный и довольно цветистый список функций истории мы предлагаем свести к пяти ключевым понятиям: *поддержание образцов, легитимация, идентификация, эскапизм и историческая память*. Уже сами эти понятия выявляют значимость исторического знания как знания о прошлом всех трех подсистем социальной реальности (культуры, социальной системы и системы личности). Нам кажется, что такой подход дает возможность концептуализировать старую тему функций истории на уровне современной социальной теории и осмыслить, что произошло с функциями исторического знания именно в XX в.

2. Уроки прошлого

Поддержание образцов

Попытаемся показать, какие из традиционных функций истории можно суммировать под рубрикой “поддержание (задание) образцов”. Прежде всего, сюда можно отнести морализацию и накопление социального опыта.

Смысловое поле истории индуцируется нравственными практиками,

«общими понятиями о том, что “хорошо” и что “плохо”, что “желанно” и что “отвратительно”, что “допустимо” и что “неприемлемо”, которые целиком вытекают из *нравственных определений людей как людей*»¹².

Морализаторские задачи понимались как создание и закрепление в исторической памяти образцов моральной доблести, или преподнесение воспитательных уроков (этот список можно продолжить, открывая одно за другим исторические сочинения “о пользе и вреде истории”).

Жизнеописания царей, полководцев, поэтов стимулировались стоической философией, так как они позволяли наставлять людей с помощью примеров добродетельной жизни.

«В “Анналах” Тацит писал: “Я считаю главнейшей обязанностью анналов сохранить память о проявлениях добродетели и противопоставить бесчисленным словам и делам устрашение позором в потомстве” (62. *Annal.*, III. 65)... Нетрудно заметить, что Тацит подходит к истории не только как ритор, но и как исторический мыслитель. Его цель — оставить потомкам цепь исторических примеров политических пороков или добродетелей»¹³.

Со времен Тацита морализаторская тенденция преобладает в античной историографии, о чем свидетельствует сочинение его младшего современника Светония Транквилла “Жизнеописания двенадцати цезарей”, а также “Параллельные биографии” Плуларха и “Деяния” Аммиана Марцеллина. Задачи морально-поли-

¹² Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М.: РОССПЭН, 1998. С. 298.

¹³ Барг М.А. Эпохи и идеи: становление историзма. М.: Мысль, 1987. С. 72—75.

тического наставления решались и при обращении античных историков к истории преступлений и злодеяний. В этих случаях пафос направлялся на обличение негативных “образцов”, чтобы способствовать воздержанию от подобных поступков в настоящем и будущем¹⁴.

От античной историографии и от библейской традиции пристрастие к морализированию унаследовали средневековые историки. Биографии были откровенно дидактическими, то есть писались с целью представить образец христианского благочестия или гражданской доблести. У римских историков заимствовались и приемы поучения — путем драматизации действия, вставных речей и т.п.¹⁵ В последние столетия Средневековья список героев, достойных пера историка, приведенный в “Полихронике” Ранульфа Хигдена, выглядел следующим образом:

“суверен в своем королевстве, рыцарь на войне, судья в суде, епископ среди духовенства, политик в обществе, хозяин в своем доме, монах в своем монастыре”¹⁶.

Способность давать воспитательные уроки приписывали истории и в дальнейшем. Так, готовность соответствовать “лучшему в Риме и Греции” гуманистами Возрождения была возведена в ранг национальных достоинств.

Не стоит забывать и о том, что именно история обеспечивала “славу и бессмертие” тем, кто мог себе это позволить. Как известно, в Греции Клио была музой не только и не столько истории, сколько гимнической, т.е. прославляющей, поэзии. Этой функции истории придавалось самое серьезное значение в эпоху Возрождения. Так, Анджело Полициано

«серьезно предупреждает (1491 г.) короля Португалии Жуана, в связи с открытиями в Африке, чтобы он своевременно позаботился о славе и бессмертии и переслал ему во Флоренцию материал “для обработки”»¹⁷.

¹⁴ Ср. например: “Заговор Катилины” Саллюстия.

¹⁵ Косминский Е.А. Историография Средних веков (V в. — середина XIX в.): Лекции. М.: Изд-во МГУ, 1963. С. 28—30.

¹⁶ Цит. по: Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 28.

¹⁷ Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии: опыт исследования: Пер. с нем. М.: Юрист, 1996. С. 99.

Античные образцы морального поведения в культуре Европы оказались столь устойчивыми, что стремление следовать им обнаруживается в европейских странах и в Новое время, являясь составной частью представлений о национальной доблести. Именно в определенных периодах римской истории находили примеры для подражания революционеры XVIII в.

Другим историческим источником моральных образцов в эпоху современности становятся анналы национальной истории. Например, французы накануне Революции 1789 г. искали модели героизма не только в античности, но и в собственном прошлом, создав пантеон героев, которые символизировали победоносные моменты в жизни народа. Фаворитами в этом смысле были Людовик Святой, Генрих IV, Людовик XII и Вильгельм Завоеватель. Важным событием в создании исключительно французского пантеона героев стала публикация исторической антологии «Иллюстрированные портреты великих людей Франции». Главным критерием для включения в список были патриотизм и вклад в развитие нации. За выдающиеся проявления патриотизма в издание включались и женщины¹⁸. Галерея историко-литературных портретов национальных героев прошлого на протяжении XIX в. создается во всех странах Европы в основном усилиями историков-романтиков (и, конечно, литераторов и художников).

Поскольку рационалистическая историография трактовала человека аисторически, как статического героя исторической драмы, то исторические труды этого времени представляют собой просто кладезь примеров героического поведения и «моральных уроков» («упадок и падение», прежде всего, Римской империи — очень модная тема морализирующей историографии). Во второй половине XIX в. морализирование в истории приобрело прямо-таки государственный характер. Й. Дройзен, выдающийся теоретик этого периода, полемизируя с позитивистской позицией Г. Бокля, в определенном смысле отождествлял с «миром истории» «этический мир»¹⁹. Американские историки пе-

¹⁸ Shama S. Citizens. A Chronicle of the French Revolution. L.: Penguin Books, 1989. P. 32—33.

¹⁹ Droysen J.G. Historik. 4 Aufl. München, 1960. S. 402.

риода между гражданской и Первой мировой войнами “золотым веком” считали ранние годы республики и по этому стандарту оценивали свое время как эпоху деградации.

Традицию морализаторства в полной мере наследовала идеологизированная история, где установление отношений с прошлым подчинялось еще и партийным целям. Национальное и социальное угнетение, существующее в настоящем, до сих пор стремятся обнаружить и в области исторической памяти и знания, в которых принижена и искажена роль низов, женщин, этносов, меньшинств. В такой “восстанавливающей историческую справедливость” литературе важен элемент героизации не только главного коллективного персонажа, но и рассказ о выдающихся представителях тех или иных социальных групп. Так же, как либеральные историки пишут о созидательной роли буржуазии, а историки-марксисты представляют свидетельства славного прошлого пролетариата, женская история повествует об историческом вкладе выдающихся женщин, история меньшинств — о борцах за интересы меньшинств и т.д.

Вторую древнейшую функцию истории — практическую, т.е. накопление социального, и прежде всего политического, опыта — также можно трактовать как поддержание или задание образцов, выполняющие обучающие функции. На протяжении многих веков бытовало мнение, что, “если совершать такие-то социальные действия, то результат будет таким-то”, хотя всегда существовали и скептики. В циклических концепциях исходным был тезис о повторяемости истории: поскольку история повторяется, то искусство политической деятельности воспроизводимо. В линейных — акцент делался на неизменную природу человека, которая снова и снова одинаково проявляет себя в аналогичных обстоятельствах (или воспроизводит сами обстоятельства). Выполняя функцию накопления политического опыта, история непосредственно выступала в роли политологии.

История, удовлетворявшая потребность в политической мудрости, начиная с “прагматической истории” Н. Макьявелли, предназначалась в основном для представителей власти. Например, в 1559 г. в Англии было опубликовано “Зерцало для правителей” — собрание стихотворных трагедий на исторические темы. И каждая трагедия, в основе которой лежала судьба какой-либо

исторической личности, сопровождалась полезным прозаическим комментарием, указывавшим, какой исторический урок из нее можно извлечь²⁰.

В XVIII в. политическая история представлена уже именами Вольтера, Мабли, Э. Гиббона, историками шотландской школы, а Великая французская революция, как нам кажется, дает политической истории “зеленый свет”. От ее современников А. Барнава и К. Ф. Вольнея и через весь XIX в. из-под пера историков — Ф.Д. де Монлозье, О. Тьерри, Ф. Гизо, Ф. Минье, А. Токвиля, А. Тьера и многих других выходят “Истории французской революции”, осмысливавшие именно *опыт* революции, ее уроки. Если к этому добавить историографию вигов и тори в Англии и произведения “немецкой исторической школы”, то понятно, почему XIX в. называют веком политической истории (и почему так ощутил был политический вес самих историков).

Действительно, опыт некоторых событий политической истории долго сохраняет свое значение. Например, французская революция 1789 г. служила самой настоящей моделью для революционеров XIX в. и в Европе, и в Латинской Америке. Попросту говоря, они знали, как подготовить революцию, как ее начать и что будет потом. Революции готовились и планировались по “учебнику истории” и если “призрак коммунизма” “бродил”, то революции вполне осмысленно распространялись по Европе, а затем и по миру, с учетом исторических уроков. Точно так же опыт революции 1917 г. в России использовался революционерами более отсталых стран; “отсталость” перестала восприниматься как препятствие для скачка в “социализм”, потому что на вопрос “что делать?” существовали исторически проверенные ответы.

В XX в. каждый школьник знал, как важна революционная организация для подготовки революции и что следует, в первую очередь, занять здание парламента и захватить мосты, вокзалы и почтамт (а теперь еще и телецентр). Столь же важен для политических сил азиатских и африканских государств XX в. исторический опыт государственных переворотов (пусть даже на практике приходится импровизировать).

²⁰ Барг М.А. Шекспир и история. 2-е изд. М.: Наука, 1979. С. 111.

Один из последних по времени примеров уверенности историков (вернее, историка и социолога) в повторяемости прошлого и в обусловленной этим актуальности знания истории мы обнаружили в интересной статье А. Согомонова и П. Уварова “Открытие социального”. Главный тезис их исследования состоит в том, что в конце XVI — начале XVII в. при жизни одного поколения было открыто абстрактное социальное мышление и “общество в этом смысле *случилось внезапно и мгновенно*”. Глубокий, оригинальный, хотя и спорный, анализ возникновения социального авторы, как нам показалось, вполне серьезно, заключают следующим выводом:

“На наших глазах рушатся концепции государственного суверенитета и национального государства. Мы, можно сказать, проваливаемся в *досовременную ситуацию*. А для понимания этих процессов гораздо важнее инструментарий и стиль мышления культурного антрополога, чем социолога”²¹.

Если вдуматься, то верой в возможность использовать “уроки прошлого” во многом руководствуются и представители альтернативной истории и контристории, когда они выстраивают альтернативное будущее от зафиксированного в прошлом события. Хотя интерес к тому, как иначе могло бы пойти развитие события, может быть чисто умозрительным, часто он связан с исторической практикой.

“Если мы хотим прочесть страницы истории, а не бежать от нее, нам надлежит признать, что у прошедших событий могли быть альтернативы, — писал С. Хук. — Некоторые из них можно расценивать как реакцию на совершенные ранее ошибки, которые будущее дает шанс исправить. Эти альтернативы — не отголоски человеческих чаяний и желаний, а упущенные по тем или иным причинам объективные возможности — иногда из-за отсутствия героя, иногда — коня, иногда — подковы, но в большинстве случаев — из-за недостатка ума.”²²

²¹ Согомонов А.Ю., Уваров П.Ю. Открытие социального (парадокс XVI века) // Одиссей. 2001. С. 212.

²² Хук С. “Если бы” в истории // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 214—215.

Очевидно, что прагматических мотиваций в альтернативной истории можно встретить предостаточно, и объясняются они убеждением в возможности преодолеть в настоящем или будущем негативный опыт прошлого.

Значение знаний о прошлом, позволяющих поддерживать образцы, различно. В военной истории (опыт битв) удельный вес исторических знаний был традиционно велик, а в экономической — незначителен. Может быть, это связано с тем, что разные элементы социальной реальности меняются в разной степени — военная стратегия мало изменилась до Первой мировой войны, а экономика — очень сильно. Историческая социология временами демонстрирует настоящие “прорывы” в прошлое, результатом чего становятся мощные и влиятельные объясняющие теории. А знания, накопленные социальной историей, в основном воспринимаются как знания о “другой” реальности. То же самое еще в большей мере можно отнести к исторической антропологии. В целом же возможности *исторических* объяснений настоящего сегодня существенно уступают потенциалу других социальных наук.

Легитимация настоящего

К задачам легитимации социального и культурного порядков, конечно, относится *потребность в самоутверждении*, которую издавна удовлетворяет история. Великие *exempla* истории, в воспоминании о которых мы утверждаем самих себя, издревле культивировало каждое общество. Самые распространенные способы легитимации в исторических исследованиях: героизация прошлого или, наоборот, его забвение и преодоление.

Национальные движения в Европе использовали историческое мифотворчество, культ национальных героев как свое главное орудие. Становление национальных государств, формирование национального самосознания, подъем национализма — все эти процессы стимулировали легитимизирующую функцию истории.

Когда в XIX в. в историографии утвердился вариант исторического исследования, в котором обосновывалась положительная роль государства и власти и политическая история надолго стала бесспорным лидером историографии, задача легитимации

государственных интересов формулировалась совершенно открыто. Свое классическое решение она нашла в немецкой исторической школе, а наиболее откровенное — в пангерманизме начала XX в. Пангерманисты пытались исторически обосновать внешнеполитические цели империалистических кругов Германии в конце XIX — начале XX в. Так, например, немецкий историк Д. Шефер был одним из самых деятельных пропагандистов в Пангерманском союзе, во флотском Ферейне, в Военном союзе и других подобных организациях. Шефер стремился, как он писал позднее в своей автобиографии, подготовить немецкий народ к войне “плановмерно от первого до последнего человека”²³. Этой цели подчинялись его исторические труды. В 1897 г. он опубликовал по заказу Министерства морского флота работу “Германия на море”, обосновав необходимость создания мощного военноморского флота. В дальнейшем его основные работы “Мировая история Нового времени” (1907) и “Немецкая история” (1910) рассматривали участие в борьбе за мировое господство в качестве главной цели Германии.

«Давно я вынашивал мысль написать историю Нового времени, начиная с эпохи великих географических открытий, когда взгляд европейца простерся на весь земной шар во имя его раздела. Имперским морским ведомством было высказано настоятельное пожелание иметь такую краткую историю. Так мысль стала делом... Немцы в 1870 г. наконец-то создали империю. Мне было ясно, что их роль в будущем будет зависеть от участия в борьбе за господство над миром... Помочь этому — такова была цель, которую я преследовал при написании “Мировой истории Нового времени”.»²⁴

Примат государства и политики, характерный для господствующей школы в немецкой историографии конца XIX — начала XX в., тоже имел идеологическую подоплеку. Для Шефера именно государство являлось средоточием истории, и именно немецкое государство, созданное Бисмарком, было прототипом современного государства. Отсюда вытекала уже методологическая посылка о том, что исследование, не сфокусированное на государстве и государственной политике, будет неизбежно ущер-

²³ Schäfer D. Mein Leben. Berlin; Leipzig, 1926. S. 149.

²⁴ Ibid.

бным. Более того, Шефер отрицал даже плодотворность изучения политической истории с точки зрения внутривнутриполитических интересов или социальных отношений, так как считал приоритетными внешнеполитические задачи государства²⁵.

Исторические интерпретации придают убедительность не только государственной политике. Они используются и для обоснования идеологических проектов будущего общественного устройства. Необычайно высоко оценивается роль исторической легитимации в идеологиях, траектория социальных концепций которых прочерчена от прошлого через настоящее к будущему. В силу своей темпоральной конструкции идеологии вообще не могут обойтись без собственных интерпретаций прошлого. Это касается и прошлого в целом (история государства), и истории отдельных социальных и этнических общностей, и трактовки конкретных ключевых событий (например, истории революций, реформ, войн).

Редко, но случались исторические метаморфозы по отношению к прошлому в рамках одной идеологии. Широко известно, что во время Великой Отечественной войны возникла потребность мобилизовать для победы над врагом героические образцы прошлого, до того в соответствии с марксистской догмой преданного забвению как “предыстория”. В исторической и художественной литературе, по указанию Сталина, началось возрождение фигур русских полководцев и отдельных царей, “сыгравших прогрессивную роль в истории”. Вождь, однако, мыслил еще масштабнее, понимая необходимость в конструировании прошлой реальности, которая легитимизировала бы претензии на всемирно-историческое значение всего происходящего в СССР. На совещаниях историков с участием секретарей ЦК ВКП(б) в 1943—1944 гг. формулируется установка, согласно которой:

“Россия должна отныне восприниматься миром как исторически наиболее прогрессивная страна, игравшая во все переломные моменты исторического развития Европы ключевую роль: она остановила реакционную экспансию немецких и шведских феодалов; она спасла Европу от нашествия татаро-монголов; она ограничила османскую агрессию и затем сыграла важную роль в освобождении балканских народов; она разгромила армии Наполеона; она внесла решающий вклад в срыв империалистических планов Германии в годы Первой мировой войны и, наконец, избавила

²⁵ См.: Iggers G. Op. cit. P. 33.

мир от фашизма. Естественно, отсталая и реакционная империя не могла бы справиться с подобными задачами. Поэтому перед историками встает проблема существенного изменения исторического облика России и славянского мира в целом”²⁶.

С функцией исторической легитимации тесно увязана такая задача, как оправдание; мы не будем утомлять читателя многочисленными примерами того, что часто так и называют “историческое оправдание”. Его более новая версия — “преодоление прошлого”, процесс, в котором активно участвуют историки. Это важная прагматическая социально-политическая задача: “преодоление” необходимо для легитимации настоящего. Понятие появилось в 1960-е гг. в Германии, но сама функция существовала задолго до того²⁷.

Во Франции “преодолевали” угнетающее прошлое итогов Семилетней войны²⁸, а затем и Франко-прусской войны. После поражения во Франко-прусской войне французские историки сформулировали задачу идейного обеспечения национального единства. В частности, в 1876 г. Г. Моно писал:

“Изучение прошлого Франции имеет ныне национальное значение. С его помощью мы можем вернуть нашей стране единство и моральную силу, в которых она нуждается”²⁹.

Напомним также о важности темы “преодоления фашизма” в немецкой историографии, о последовательных процессах демонизации и демистификации фашизма. Полувековой процесс морального освобождения от нацистского прошлого, изобилующий эмоциями и сменой ориентиров, сам стал темой уже не одного научного исследования³⁰.

²⁶ Логунов А. Отечественная историографическая культура: современное состояние и тенденции трансформации // Образы историографии / Под ред. А.П. Логунова. М.: РГГУ, 2001. С. 46.

²⁷ В Англии уже в XVII в. возникает концепция “национального греха”. См.: Patriotism: the Making and Unmaking of British National Identity / Ed. by R. Samuel. 3 vols. L.; N.Y.: Routledge, 1989. P. 55.

²⁸ Shama S. Op. cit. P. 32.

²⁹ Monod G. Du progrès des études en France depuis le XVIe siècle //Revue historique. 1876. T.1. P. 5.

³⁰ Подробнее см.: Борозняк А.И. Искупление: нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М.: Пик, 1999. Характерно само название работы А.И. Борозняка, которое содержит несколько ключевых для данной темы слов.

В России конца 1980-х — начала 1990-х гг. именно социальный заказ на новое историческое знание с целью преодоления прошлого на какое-то время сделал занятие историей чрезвычайно популярным. Характерно, что в то время одни историки полагали возможным вернуться к некоей точке в прошлом и пойти по альтернативному пути, который и пытались спроектировать, а другие были больше озабочены моральными проблемами: покаянием, организацией “Нюрнбергского процесса” над КПСС, поисками “дороги к Храму”, делением на “чистых и нечистых” и т.д. Десять лет спустя российская власть привлекает историков к поискам “национальной идеи”.

Идентификация

Задачу идентификации очевидно решает, например, такая известная функция истории, как удовлетворение потребности личности и общества, вплоть до “человечества”, в самопознании. Приведем лишь два высказывания на эту тему, сделанных с интервалом примерно в двести лет.

“Любовь к истории кажется неотделимой от человеческой природы, потому что она неотделима от любви к самому себе. Именно эта первопричина влечет нас вперед и назад, в будущее и к прошлым векам.”³¹

“...Для чего нужна история? Для человеческого самопознания... Ценность истории поэтому и заключается в том, что благодаря ей мы узнаем, что человек сделал, и тем самым — что он собой представляет.”³²

Подобных изречений великих мыслителей можно привести множество.

Изучение национальной истории издавна было не только познавательным, но и сугубо прагматическим занятием.

“Римские историки первой половины II—I вв. до н.э. писали всегда с четкой целью, исходя из политической и идеологической доктрины, согласно которой римский народ (*populus Romanus*) един в своих целях и

³¹ Болингброк Г. Письма об изучении и пользе истории: Пер. с англ. М.: Наука, 1978. С. 10.

³² Коллингвуд Р.Дж. Идея истории // Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография: Пер. с англ. М.: Наука, 1980. С. 13—14.

возвышается над всеми другими народами благодаря свойственной ему доблести (virtus). Эта патриотическая установка соответствовала политическим амбициям государства, поздно вышедшего на историческую арену и уверенно шедшего к созданию мировой империи... Стремление прославить Римское государство, его обычаи и законы приводило к пренебрежительной оценке других народов, не сумевших оказать отпор римскому натиску. Желание представить римский народ сплоченным в осуществлении исторических целей заставляло закрывать глаза на социальные и политические конфликты истории Рима эпохи гражданских войн, а также предшествующего времени.”³³

С утилитарными целями испокон веков изучались соседи и враги. Обращение к “своему” и “чужому” прошлому со времен архаики и античности выполняло разные функции (с точки зрения познания “себя” и “их”) формирования образа “своего” и “их” настоящего. Создаваемые с этой целью описания жизни народов

«уже в Римской империи сделались базой “искусства управления народами”, служили пособием для властей по вечно актуальному “национальному вопросу”, а также по внешней приграничной политике. Традиция такого целенаправленного изучения из соображений политических была доведена до совершенства в Византии, в частности в труде императора Константина Багрянородного “Об управлении империей”»³⁴.

Максима “Nosce te ipsum” (познай самого себя) применительно к задачам идентификации народа и государства оказалась более всего востребованной для решения задач формирования национальной идентичности в период становления национальных государств.

Главной отличительной чертой исторического сознания Нового времени стала его “национализация”. Как и многие другие политически актуальные темы, “нация” проблематизировалась совокупными усилиями представителей искусства, философии и общественных наук, но мы обратим внимание на особую активность и специфическую роль историков XIX и начала XX столетий в становлении национального сознания и национальной идентичности.

³³ Немировский А.И. Рождение Клио: У истоков исторической мысли. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1986. С. 185.

³⁴ Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Аспект-Пресс, 1997. С. 12.

Задача эта была совсем не так проста, как может показаться сегодня. Когда в 1864 г. инспектор образования задал вопрос детям в деревенской школе в горах Лозера: “В какой стране расположен Лозер?” — ни один из детей не знал ответа. “Вы англичане или русские?” — спросил он. Они не знали. Этот случай, произошедший в отдаленной части Франции, показывает, что французы лишь очень постепенно понимали свою национальную принадлежность³⁵.

Национальная история стала важной частью школьного обучения. Убеждение в продолжении национального прошлого и идентификация с ним, увековечение национальных героев, событий национальной истории — революций, военных побед, освобождения — все это входило в число задач обучения национальной истории³⁶. Вклад историков в знание о нации начинается с творения самого понятия и соответственно его прошлого. Задетствованность историков в изучении этой проблемы определяется как минимум двумя особенностями объекта исследования. Нация — это макрообъект, охватывающий социальную и культурную систему на значительном географическом пространстве и в большом интервале времени. С одной стороны, основные аспекты национальной проблематики — социальные и культурные факторы формирования национального государства, язык, этнос, культура, историческое сознание, сознание территориальных границ, связи с предками — всегда присутствовали в поле зрения историков. С другой стороны, сама традиционность, консервативность, долговременность феномена делает его “историчным” и тем самым интересным для исторической науки.

«Национализм представляет собой явление глубоко “историческое” по самому своему характеру; мир в его свете видится как плод взаимодействия различных сообществ, каждому из которых свойственны уникальные черты и своя собственная история и каждое из которых есть результат своих собственных истоков и своего особого пути развития»³⁷.

³⁵ Zeldin Th. France 1848—1945. Intellect and Pride. Oxford; N.Y., Toronto; Melbourne: Oxford University Press, 1980. P. 3.

³⁶ Shils E. Tradition. Chicago: The University of Chicago Press, 1981. P. 59.

³⁷ Смит Э. Национализм и историки // Нация и национализм: Пер. с англ. и нем. М.: Праксис, 2002, С. 236.

В то же время “большие темы” национальной истории: дух нации, исторические корни нации, исторические судьбы нации, национальный характер — находятся в поле зрения национализма. Темпорализация национального сознания проходила в соответствии с политическими задачами создания национальной идентичности, воспитания чувства национальной гордости, мобилизации нации для решения государственных задач, которые нередко так и называли “историческими”.

В каждой национальной истории есть свои национальные герои, у каждого народа — свой Пантеон, а национальная принадлежность некоторых исторических личностей является таким же предметом спора, как и приграничные территории. Свод национальных побед и галерея портретов национальных героев в исторической литературе наряду с художественной — основа конструирования национального характера и материал для воспитания национальной гордости, уроков патриотизма.

Именно национальные истории, отражая самим фактом своего появления процесс образования национальных государств, послужили основой и для массовых образовательных программ, и для политической пропаганды, предлагая версии исторических судеб нации и национальных задач.

Тенденциозность национальных историй начинается уже с вопроса о происхождении нации. И приходится констатировать, что ангажированные историки без видимых мук преодолевали такую известную коллизию, как объективная современность наций в глазах историка против их субъективной древности в глазах националиста. Создание национальных историй не обходится без мифологического дискурса в целом, а тем более, когда речь идет о поисках корней, уводящих в далекие времена. Нередко конструирование “начала” осуществляется с помощью различных теорий особого происхождения “своего народа”, надо сказать, поражающих изобретательностью и одновременно какой-то первобытной наивностью.

В становлении национально-государственного сознания большую роль играл этнический фактор (“крови”, расы) как биологической основы общности. По сути в националистической историографии XIX в. на базе расовых теорий произошло возрож-

дение архаики (свои — чужие, мы — они). Апелляция к прошлому в целях формирования национальной или этногрупповой идентичности почти всегда опирается на конструкцию этногенетического мифа.

“Этногенетический миф, имеющий важную компенсаторную функцию, нужен людям в критические моменты их истории — когда этнической группе грозит утрата культуры и языка, когда этнические меньшинства борются против дискриминации и ее последствий, когда народ ведет борьбу за политическую самостоятельность, когда на развалинах империи возникают новые государства, когда имперский в прошлом народ испытывает дискомфорт, теряя свой прежний статус, когда два соседних народа предъявляют права на одну и ту же территорию, которую оба они издавна занимали, когда на данной территории пришельцы разного этнического происхождения сплавиваются в новую этническую группу и, наконец, когда единый в прошлом народ оказывается разорванным на части и образует новую диаспору.”³⁸

Особенное значение создание образа нации имело для стран, пребывавших в состоянии национальной раздробленности (Германии, Италии) и угнетенных народов европейских империй. Там изучение и возрождение национального прошлого, фольклора, мифов возводилось нередко в ранг национальных приоритетов и предельно политизировалось.

Тема национального величия была ведущей темой европейских историков до 1914 г. Эта тенденция в целом ослабевает после Первой мировой войны, но не везде. В Германии после поражения националистические задачи пропагандировали даже очень известные историки (прежде всего, входившие в кружок Георге), убежденные, что «история должна служить жизни, а именно: национальной вере, <a> “истина” определяется через нацию и через “немецкость”»³⁹.

До сих пор от исторической интерпретации очень сильно зависит система международных отношений, особенно если речь идет о неудовлетворенных территориальных притязаниях той или

³⁸ Шнирельман В.А. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // Теоретические проблемы исторических исследований. 1999. Вып. 1. С. 125.

³⁹ Цит. по: Эклсе О.Г. Немцы не в ладу с современностью // Одиссей, 1996. С. 230.

иной страны (наглядный пример — Курильские острова). Точно так же вопросы: “кто когда на кого напал?” или “кто первый начал?”, в свете аксиологической дихотомии “справедливого несправедливого” исхода исторического соперничества, до сих пор страстно обсуждаются не только на исторических конгрессах, но и на политических форумах. А в критические для национального существования моменты истории нередко участвовали в прямой политической пропаганде. Так, беспристрастность “научной” истории в очередной раз была разоблачена во время Франко-прусской войны, “когда тяжелые орудия обеих сторон” — французский историк Ф. де Куланж и немецкий историк Т. Моммзен — были использованы для доказательства того, что Эльзас принадлежал соответственно французам и немцам⁴⁰.

Как заметил Э. Шилз, образы прошлого определяют поведение индивидов разных национальностей. Американский еврей и американский ирландец, например, реагируют на разные события в мире, даже если никогда не жили на исторической родине⁴¹. Групповая идентификация особенно активизировалась в западных странах в последние десятилетия. Если раньше в центре внимания были процессы аккультурации, то ныне на первый план выдвинулись концепции культурного и социального разнообразия⁴², которые поддерживаются стремлением к “политической корректности”. Отсюда идет своеобразный бум историй различных меньшинств, инициируемый, в первую очередь, представителями самих этих меньшинств, хотя и не только ими.

Формальная универсальность нации как социокультурного понятия делает ее весьма достойным предметом для историка. В то же время политизированность и во многих случаях болезненность национальной проблемы в настоящем превращает национальную историю в один из самых конъюнктурных сюжетов, весьма пригодный для демонстрации типичных грехов исторического знания. Происходившее во второй половине XX в. отступление политической истории, а затем и ее кризис, который она преодолевает уже в рамках “новой политической истории”,

⁴⁰ Conkin P. K. *The Heritage and Challenge of History*. N.Y., Toronto: Dodd, Mead & Co., 1971. P. 79.

⁴¹ Shils E. *Op. cit.* P. 53.

⁴² См., например: Герц К. Польза разнообразия // THESIS. 1993. Вып. 3. С. 168—184.

во многом связывались именно с пристрастностью, партийностью и тем самым вненаучностью государственной и национальной истории.

Если взглянуть на панораму социальных наук, то очевидно, что основные политические проблемы современности переходят в ведение политологии, этнологии, отчасти социологии. Модными становятся такие проблемные дисциплины, как глобализм или мультикультурализм. Преобразившаяся политическая история наконец-то не претендует на трансляцию актуального опыта. Если кто-то сейчас изучает структуры и механизмы власти в Средневековье, то не с целью предложить образцы для воспроизведения, а для того, чтобы определить, насколько они отличны от современных (или сходны с ними). “Национальных задач и обязанностей” у представителей “новой политической истории” сегодня нет⁴³.

Эскапизм

Утрата историей одних традиционных функций сопровождалась усилением значимости других, почти столь же традиционных. Прежде всего речь идет о такой функции истории, которую мы назвали эскапизмом. Она в явном виде известна, как минимум, уже человеку Ренессанса. Еще Петрарка поставил прошлое над настоящим, он пытался бежать от настоящего, забыть “эти места, эти времена и эти обычаи” и возродить римское прошлое⁴⁴. (И не только возродить, но и прожить его, как видно из его писем.) А человеку, который устремляется в прошлое, неважно по каким мотивам, необходимо знание о нем.

Потребность в знании о “другой” реальности может существовать как в связи, так и вне связи с историей или прошлым вообще. Например, она может объясняться любознательностью

⁴³ Между тем, например, в 1920-е гг. даже такой известный академический историк, как Канторович, упрекал немецких медиевистов в том, что они оказались “абсолютно несостоятельными” на протяжении жизни нескольких последних поколений, особенно после образования Германской империи в 1870—1871 гг., “полностью устранившись от выполнения национальных задач и обязанностей” (цит. по: Эскле О.Г. Указ. соч. С. 229).

⁴⁴ Burke P. The Renaissance Sense of the Past. N. Y.: St. Martin's Press, 1969. P. 21.

(как живут другие?). Существует и такой феномен, как стремление переместиться в иную реальность. Это как давно освоенный уход “из мира” в иное географическое или социальное пространство — на чужбину, в пустынь, скит, в коммуны, в народ и т.д., так и ренессансная тяга к жизни в античности. Поскольку в Новое время историческое прошлое постепенно приобрело статус “другого”, человек XX в. знает, что бессмысленно писать письма Титу Ливию. Но, движимый по сути той же потребностью, он взаимодействует с прошлым не активно, а пассивно, читая сочинения о “другой” (прошлой) реальности.

Конструирование прошлого (знание о прошлом) как о другой, качественно иной реальности имеет давнюю традицию (она возникает в рамках мифического знания). В большинстве известных нам культур создается образ некоего прошлого, существенно отличающегося от настоящего. Прежде всего, это так называемое “мифическое время” (время первотворения), которое позднее дополняется “героическим временем”, лежащим на границе между “мифическим” и “эмпирическим” временем. Эти представления о времени первотворения и времени “героев” переходят в развитые мифические системы (Греция — Гесиод и др.), а затем и в христианскую религию, в которой, впрочем, “мифическое” прошлое сокращается до нескольких дней.

Подобная же конструкция “другого” прошлого существует, например, в сказках и отчасти в легендах. В рамках более специализированных систем знания “другое” прошлое описывается, в частности, у Платона (Атлантида), и это описание уже является не чисто мифическим, но, с некоторой условностью, может быть отнесено к философскому или протоидеологическому знанию. Наконец, конструирование альтернативной прошлой реальности было вполне узаконено в искусстве (литературе, драматургии, живописи, скульптуре и т.д.).

История традиционно удовлетворяла потребность в знании об иной реальности, наряду с религией (начиная с мифов) и искусством. Так, историки-романтики объясняли интерес к прошлому тем, что оно — другое (еще не как понятие). Но романтики все же сильно увязывали прошлое с настоящим, относились к нему крайне эмоционально и старались убедить в необходимости сохранить его.

Однако конструирование “другого” прошлого в рамках научного знания до последнего времени было мало распространено. Скорее искалась связь с современностью, прошлое актуализировалось, его конструкция была приближена к конструкции сегодняшней реальности или различалась совершенно определенными отдельными элементами, которые наглядно демонстрировали, чем настоящее отличается от прошлого.

Прорыв был совершен медиевистами — специалистами по ранним Средним векам. Именно они первыми начали конструировать иную прошлую реальность — варварскую, а не христианскую. В основе этого подхода лежит фундаментальная посылка о том, что в прошлом люди иначе *действовали*, потому что иначе *думали*. Затем такой подход распространился и на позднее Средневековье, и на раннее Новое время.

«Произошла революция по отношению к прошлому. Историзация прошлого заключается в его сохранении — не потому, что прошлое прекрасно, существенно или актуально, но по той единственной причине, что оно “интересно”».⁴⁵

В результате знания, генерируемые общественными науками и историей, в разной мере удовлетворяют потребности в объяснении и описании. Применительно к современной реальности существует потребность понять, что происходит. Соответственно для этого нужно, чтобы человеку растолковали, что совершается буквально “у него на глазах”, концептуализировали событийность, объяснили взаимосвязи и механизмы происходящего. Это проявляется даже на уровне СМИ. Аналогичные практические запросы предъявляют политики, бизнесмены и т.д. Прагматические потребности стимулируют развитие аналитического знания вплоть до самого высокого уровня.

Надобность в знании об иной реальности имеет совершенно иной характер⁴⁶. Уход от настоящего, возможность расширить пространство, задаваемое жизненным опытом, погрузиться в мир

⁴⁵ Браг Р. Европа, Римский путь: Пер. с англ. М.: Аллегро-Пресс, 1995. С. 89.

⁴⁶ См.: Гудков Л., Дубин Б., Страда В. Литература и общество: Введение в социологию литературы. М.: РГГУ, 1998. С. 20—25.

фантазий и т.д. не является сугубо прикладной потребностью, соответственно возникает нужда не в объяснении иной реальности, а в ее описании. Как мы уже отметили, эта потребность, безусловно, присутствует давно, именно она объясняет огромный интерес к историческому роману, историческому детективу, историческим биографиям, увлекательно написанным научным историям и даже к публикациям исторических документов⁴⁷. Все это может быть прочитано без всякого намерения “учиться жизни”, “брать уроки морали”, “преодолевать прошлое” или “познавать себя и свое общество через опыт истории”, а с единственной целью перенестись в другую реальность (здесь возможна аналогия с притягательностью научной фантастики или виртуальной компьютерной реальностью).

Конструкция иной реальности также подчиняется определенным правилам. Это четко видно на примере литературы. Весьма характерно, что именно здесь велико влияние постмодернизма. Традиционно иная реальность должна в некотором смысле также выглядеть как реальность (художественная, сказочная, виртуальная и т.д.). Правила иные, но задача та же — конструирование картины мира (или реальности).

Нам кажется, что по мере дифференциации истории от других социальных наук баланс в ее функциях в пользу эскапизма, удовлетворения потребности ухода в другую реальность становится все более отчетливым, особенно в последние десятилетия. Отсюда — интерес профессионалов и непрофессиональных читателей не к “Истории”, а к историям, ответом на который стало появление множества новых исторических субдисциплин. Такое перепрофилирование никак не способствовало возрастанию общественно-политической роли истории, зато вызвало к жизни феномен нового исторического бестселлера — научного сочинения на “узкую” тему “другого прошлого”: одной деревни или одного человека. Подобные сочинения поднимают публичный престиж исторической науки, хотя удовлетворяют при этом совсем другие потребности.

⁴⁷ Подробнее см.: Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом как проблема социологии знания // Новое литературное обозрение. 2001. № 52. С. 5—28.

“Историческая память”

Вышесказанное, конечно, не отменяет других причин заинтересованности общества в развитии исторического знания, а также политических амбиций самих историков. Часть влиятельных историков тоскует об утраченных общественных позициях и, видимо, считает неадекватной роль представителей своего цеха в принятии политических решений. Однако речь теперь идет, прежде всего, не о способности истории “учить жизни” на опыте прошлого, а о состоятельности ее экспертных оценок. Как пишет Стоун,

“только продемонстрировав политикам и общественности, что нам есть что сказать важного, интересного и полезного, мы, профессиональные историки, сможем добиться процветания в обществе, все более обращающемся к технике за рецептами быстрого решения своих проблем и к мифотворцам, левым или правым, за уверенностью и надеждой”⁴⁸.

Назовем три главные причины настойчивого желания историков оставаться экспертами по “настоящему”, невзирая на конкуренцию социальных наук: роль традиции (они давно этим занимаются); невозможность абстрагироваться от данной социальной реальности (стремление продлить прошлое в настоящее, а настоящее в прошлое — поиски в прошлом прежде всего тех следов, которые как цепь причинно-следственных связей прямо ведут к настоящему); стремление к более сильным социальным позициям (оруэлловское “прошлое — важнее” — слабое утешение для тех, кто хочет быть причастным к принятию решений).

Стремление оказывать влияние на современное общество реализовывается ныне в таком недавно проблематизированном историками направлении, как “историческая память”. Разрабатывая тематику исторической памяти, историки, естественно, немалое внимание уделяют определению ее общественного значения, механизмам формирования и другим социальным аспектам, безусловно, связанным с задачами исторического сообщества.

⁴⁸ Стоун Л. Будущее истории // THESIS. 1994. Вып. 4. С. 175.

“Историческая память” по-разному концептуализируется отдельными авторами: как способ сохранения и трансляции прошлого в эпоху утраты традиции, как индивидуальная память о прошлом, как социальная память о прошлом, как синоним исторического сознания. Не вдаваясь в анализ концепций и определений, отметим, что мы под исторической памятью понимаем *представления о прошлом, существующие в обществе как на массовом, так и на индивидуальном уровне, включая их образный, когнитивный и эмоциональный аспекты.*

Эти представления складываются на основе самых разных видов знания, и нельзя с уверенностью утверждать, что история играет в этом процессе ведущую роль, поэтому термин “историческая память” отчасти вводит в заблуждение. Достаточно обратить внимание на то, что рядовой человек, не причастный к цеху историков, черпает свои знания о прошлом и из обыденного знания (например, в семье), и из искусства (преимущественно массового), и в религиозном учении, и в идеологических построениях (если он религиозен или идеологизирован). Соответственно и на массовом уровне историческая память совсем не тождественна историческому знанию. Но в современных обществах, в отличие от традиционных, функция истории, по нашему мнению, состоит в том, что она выполняет роль каркаса исторической памяти, существенно участвуя в формировании “социальных рамок памяти” (понятие, введенное М. Хальбваксом⁴⁹).

Общество нуждается в том, чтобы каждый его участник чувствовал неразрывную связь с историей и включал себя в историческое, аксиологическое и географическое пространство как своей страны, так и мира в целом. Блок писал, что

“в отличие от других наша цивилизация всегда многого ждала от своей памяти. Этому способствовало все — и наследие христианское, и наследие античное. Греки и латиняне, наши первые учителя, были народами-историографами... Наше искусство, наши литературные памятники полны отзвуков прошлого, с уст наших деятелей не сходят поучительные примеры из истории, действительные или мнимые... Всякий раз, когда наши сложившиеся общества, переживая непрерывный кризис роста, начинают сомневаться в себе, они спрашивают себя, правы ли они были, вопрошая прошлое, и правильно ли они его вопрошали”⁵⁰.

⁴⁹ Halbwachs M. Les cadres sociaux de la memoire. Paris: Albin Michel, 1994.

⁵⁰ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка: Пер. с фр. 2-е изд. М.: Наука, 1986. Р. 7—8.

Хотя “без забвения жить вообще невозможно”, но полное забвение называется амнезией, это тяжелая болезнь и для личности, и для общества. Вряд ли такая угроза существует, вряд ли вообще можно говорить о падении интереса к прошлому. Против этого свидетельствует массовое увлечение местной историей, историческими памятниками, музеями, генеалогией, документалистикой. Конструирование социальной реальности включает в качестве необходимой составляющей установление отношений с определенными событиями прошлого, которые запоминаются или не запоминаются. Историческая память, хранящая значимые события, в какой-то мере восстанавливает необходимую для социума связь с прошлым, которую в традиционном обществе обеспечивала традиция.

Важнейшим источником приобретения и систематизации исторических знаний является образование, прежде всего школьное. Мы уже говорили о том, сколь важным считалось обучение истории для формирования национального сознания, чувства патриотизма, тех или иных идеологических взглядов. Но знание истории с античных времен признавалось необходимой составляющей овладения культурным наследием, а со времен Ренессанса — элементом классического образования. Непременное для образованного человека владение сведениями о прошлом, в том числе и блестящие познания в области античной истории, стали устойчивой традицией раннего Нового времени. Эта традиция была унаследована и поднята на еще более высокую ступень в эпоху Просвещения. Историки не только обеспечивают общество знанием, на котором базируется обучение, они участвуют в создании образовательных программ, в написании учебников и, конечно, в преподавании истории. (Правда, многочисленные опросы социологов свидетельствуют, сколь причудливое “знание” запечатлевается в итоге всех этих усилий в индивидуальной исторической памяти.)

За пределами системы образования историки выполняют более общие “просветительские” функции, участвуя в создании музейных экспозиций, комплектовании библиотек, организации коммемораций, принятии решений о реставрации зданий и памятников (или их сносе). Указанные виды активности историков в немалой степени определяют содержание исторической памяти.

Задачи формирования исторической памяти решаются и на уровне государства, включая такую сферу деятельности, как “политика памяти”, направленную на создание “нужного” синтеза настоящего с прошлым. Упомянутые выше острые дискуссии о забвении, преодолении, возвеличивании прошлого тоже вносят немалый вклад в “политику памяти”. И здесь важно подчеркнуть не только содержательные моменты актуальных для общества исторических дебатов. Следствием того, что сама историческая память с недавних пор стала предметом исследования историков, являются попытки, в том числе и специалистов по политическим технологиям, применить научные знания, накопленные в этой области, для более осмысленного влияния на общественное сознание. По отношению к событиям прошлого индивиды выступают в качестве реципиентов готовых исторических формул, которые, как отмечает В. Нуркова,

“весьма разнообразны — от примитивных пропагандистских лозунгов до изощренных политических технологий, учитывающих психологические особенности каждой адресной группы”⁵¹.

Говоря о механизмах формирования исторической памяти, еще раз подчеркнем, что историческое знание далеко не всегда усваивается непосредственно. Оно транслируется в другие области знания, а затем в какой-то части становится доступным через них. Достаточно напомнить, что, например, одни литературные произведения сами служат источником знаний о другом времени, так как принадлежат ему, а другие — “исторические” — опираются на освоенное художником историческое знание. Во всех подобных случаях историк выполняет функцию посредника, но на результат повлиять не может (если, конечно, не выступает в качестве научного консультанта фильма, спектакля или перформанса).

Понятие исторической памяти — это не метафора. На эмпирическом уровне — это прежде всего проблема памяти индивида, т.е. проблема психологической науки. Для исторической па-

⁵¹ Нуркова В.В. Историческое событие как факт автобиографической памяти // Воображаемое прошлое Америки. История как культурный конструкт. М.: МАКС-Пресс, 2001. С. 23.

мяти, так же как для других типов индивидуальной памяти, существенны как раз интерес и актуальность, т.е. связь с прагматическими потребностями настоящего. В этом смысле историческая память аисторична, ибо в ней в известном смысле стирается “другое” время. Как писал Ф. Шатле:

«...Если верно то, что прошлое событие уходит безвозвратно, и что это обстоятельство конституирует его сущность, так же верно и то, что его “прошлость” отличает его от любого другого события, которое может напоминать его. Идеи о наличии повторений в истории о том, что “ничто не ново под луной”, и даже о том, что мы можем научиться у прошлого, могут иметь смысл только для неисторического сознания»⁵².

Действительно, историческая память базируется именно на неисторическом сознании, так как стимулом для нее, бесспорно, является возможность, опираясь на “образ прошлого” и знание о прошлом, лучше ориентироваться в настоящем.

* * *

Мы стремились показать, что существует масса мотивов для конструирования прошлого и соответственно сохраняется множество функций истории. Хотя специализация истории как знания о прошлой социальной реальности объективно сильно деэвуирует “практическую значимость” исторических трудов, тем не менее интенция легитимизировать (объяснять, оправдывать) настоящее, опираясь на знание о прошлом (прославлять, “преодолевать” или обвинять прошлое), остается востребованной. Когда “болезненные” проблемы настоящего объясняют историки, это понятнее “народу”, чем когда то же самое делают социологи или экономисты с их категориальным аппаратом, специфическим языком и т.д.

Устойчивая вера в то, что в прошлом можно найти ответ на любой нерешенный вопрос в реальной жизни (поддержание образцов) — источник соответствующих запросов историческому знанию.

⁵² Châtelet F. La naissance de l'histoire: La formation de la pensée historique en Grèce. Paris, 1962. P. 11.

Сохраняется особая роль историков в становлении национального сознания и национальной идентичности там, где существует соответствующая потребность и политический заказ. При этом некоторые историки не только занимаются изучением национального характера, но и претендуют на участие в его формировании. И то, и другое оказывается вполне возможным и в рамках науки, и за ее пределами. Проблема идентификации решается с помощью исторических сочинений и вне национально-го или этнического поля. История, позволяющая в определенном смысле “жить в прошлом”, может быть важным элементом идентификации не только с национальным государством, но и с определенной группой или стратой общества.

Понятно, что во всех этих случаях речь идет о воздействии на массовое сознание (политическое, национальное) путем активного формирования исторической памяти. В этой зоне история взаимодействует с ненаучными формами знания о прошлом: идеологией, философией, искусством, религией. Бесспорно, работа на публику видоизменяет облик исторической профессии, предъявляя иные требования к форме исторических сочинений (риторике). С одной стороны, они должны быть доступны по форме, увлекательны и понятны. С другой — совсем неплохо иметь приметы “тайного знания”, недоступного непосвященным. Поэтому в одних сочинениях культивируется доступность, а в других — эзотерическая таинственность научного жаргона, заменяющего научную терминологию.

И все же, несмотря на недавно осознанную роль историков в формировании исторической памяти, не следует, как нам кажется, акцентировать “возвращение” историка в современность. Основное изменение состоит, по нашему мнению, в том, что общество сегодня не столько требует от историка объяснений настоящего через прошлое (их, не очень докучая прошлым, предлагают другие социальные науки), сколько ждет описаний иной реальности, “хороших и разных”, но исполненных по канонам исторической профессии. Может быть, последнее обстоятельство отчасти разъясняет преобладание метода описания над объяснением в историографии, что иногда трактуется как “теоретическая отсталость”, а иногда как специфическая внеположенность истории по отношению к любому виду знания.

Сведения об авторах

Савельева Ирина Максимовна — доктор исторических наук, директор Института гуманитарных историко-теоретических исследований ГУ ВШЭ. Автор монографий “Профсоюзы и общество в США в XX в.: критика буржуазно-реформистских концепций” (1983), “Альтернативный мир: модели и идеалы” (1990), “Циклы Кондратьева и развитие капитализма (опыт междисциплинарного исследования)” (1993), “История и время: в поисках утраченного” (1997), “Знание о прошлом: теория и история” (2003), — последние три в соавт. с А.В. Полетаевым. Автор многочисленных публикаций по методологии исторической науки, историографии Западной Европы и США, социальной истории Нового и новейшего времени, истории идей, социологии знания.

Полетаев Андрей Владимирович — доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института гуманитарных историко-теоретических исследований ГУ ВШЭ, заведующий сектором Института мировой экономики и международных отношений РАН. Автор ряда монографий и многочисленных статей в российских и зарубежных журналах по экономической истории Нового и новейшего времени, истории идей, методологии исторической науки, социологии знания.

Оглавление

1. Magistra vitae	3
2. Уроки прошлого	12
Поддержание образцов	12
Легитимация настоящего	18
Идентификация	22
Эскапизм	28
“Историческая память”	32
Сведения об авторах	38

Препринт WP6/2003/01
Серия WP6
Гуманитарные исследования

Савельева Ирина Максимовна
Полетаев Андрей Владимирович

Функции истории

Публикуется в авторской редакции
Ответственный за выпуск *Е.А. Рязанцева*
Оформление серии *А.М. Павлов*
Корректор *Е.Е. Андреева*
Компьютерная верстка *О.А. Корытько*

ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г.
Подписано в печать 07.03.2003 г. Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.
Печать трафаретная. Гарнитура Таймс. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 2,3.
Усл. печ. л. 2,33. Заказ № 30. Изд. № 288

ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3